

ЖИЗНЕННЫЕ ЦИКЛЫ ДОКУМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Распространенная в современном документоведении концепция жизненного цикла документа имеет большое научно-познавательное значение. Она позволяет представить документ как целостный социокультурный феномен, в историческом бытии которого предполагается выделение определенных этапов, или циклов.

Первым из них может быть выделен непосредственно *жизненный цикл*. Он содержит в себе две стадии. Первая из них представляет собой его генезис, включающий период его замысла и составления. Вторая стадия составляет тот период, когда данный документ выражал прямое действие, характер которого определялся его предназначением и направленностью. Оно могло иметь международное и внутреннее, экономическое, социальное и политическое, административное и следственно-судебное, идеологическое и культурное значение.

Концепция жизненного цикла документа несет в себе идею неизбежного его завершения, как и всякого жизненного цикла вообще. Но, поскольку документ сохраняет свое существование, то это означает, что начинался новый этап, или цикл его исторического бытия. И, в связи с тем, что, в соответствии с правилами обращения с документами, принятыми в разных культурных традициях, документ передается на хранение, данный цикл может быть представлен как *цикл культурно-исторической сохранности документа*. Но по правилам сохранения документов, они концентрируются в архивах разных уровней, к которым относятся архивы центральные, местные, ведомственные и частные. Следовательно, данный цикл может быть также назван *архивным*. В зависимости от правил хранения документов в том или ином архиве, документ может находиться на учете. Сведения о нем могут быть включены в архивные путеводители и описи общедоступного или ведомственного характера. Однако описи в отдельных архивохранилищах присутствуют далеко не всегда. В этой связи поиск подобных документов может представлять значительную сложность.

Документ большой исторической значимости может находиться в исторической памяти и становиться феноменом исторического сознания. Так, память о крепостном праве, документально закреплявшаяся начиная с XV в. в ряде законодательных актов Российского государства, оставалась в русском историческом сознании и после отмены в 1861 г. всех положений, содержащихся в этих актах. Однако большая часть документов не оставля-

ет прямого следа в историческом сознании. Но эти документы могли при этом иметь существенное историческое значение. Возрождение их в историческом сознании является целью и результатом исторического исследования, поскольку, как отмечал Р. Дж. Коллингвуд, «прошлое только тогда нуждается в историческом исследовании, когда его не помнят и не могут вспомнить»¹. Обращение историка к документу для самого этого документа имеет два последствия. Во-первых, происходит превращение документа, переживавшего архивный цикл своего существования, в источник. Документ, как и всякий иной остаток прошлого, или предание о прошлом, становится источником лишь после того, как к нему обращается исследователь с целью решения с привлечением его определенной проблемы. Во-вторых, имеет место переход от архивного к новому циклу существования документа. И поскольку в ходе работы историка документ входит в историческое сознание путем возрождения в исторической памяти общества или непосредственно самого документа, или связанного с ним исторического феномена (факта, события, явления, процесса), этот новый цикл может быть назван *мемориальным*.

Впрочем, документ, поднятый из архива историком и введенный им в научный оборот, становится достоянием исторического сознания не во всех случаях. Это зависит от ряда обстоятельств объективного и субъективного характера. К субъективным относится способность историка выразить в своем исследовании значимость документа. Между тем, это проявляется не всегда. Так, например, распространение крепостного права на Дону историки долгое время связывали с указом Павла I от 12 декабря 1796 г. Между тем, историкам был известен такой документ, как утвержденное Военной коллегией наставление коменданта крепости Святого Дмитрия Ростовского, генерала Потапова от 1766 г., согласно которому запрещался свободный выход донских крестьян-«малороссиян». Был известен еще более ранний документ – перепись 1763 г., закреплявшая крестьян за владельцами. Однако вплоть до появления трудов историков прошлого века значимость документов 1763–1766 гг. в деле утверждения крепостного права на Дону недооценивалась. И лишь в трудах историков XX в. роль этих документов в деле закрепощения донских крестьян была признана, что позволило отодвинуть нижнюю хронологическую границу этого процесса со времени Павла I на 60-е годы XVIII в.² Но и работа историка не всегда могла сделать документ достоянием исторического сознания. Связано это с тем, что наряду с субъективной ролью историка имеют место объективные обстоятельства, связанные с исторической значимостью самого документа. В этой связи в массовом историческом сознании населения Дона сложился образ не этих документов, которые утверждали крепостное право на Дону, а самого крепостного права на Дону. Это не случайно, поскольку психологическое воздействие на сознание и па-

мь жестокости самого крепостного права, донских «панов» из числа казачьих генералов, офицеров и чиновников в отношении крестьян оказывалась сильнее, чем воздействие со стороны бюрократического процесса юридического оформления крепостного права в ходе создания определенных документов. Следовательно, мемориальное значение данного документа не в том, что он вошел в массовое историческое сознание. Оно состоит в том, что на базе этого и других документов в нем сформировались определенные исторические образы и сюжеты.

При определенных исторических условиях жизненный цикл документа может быть возобновлен. В результате документ, или документальный комплекс может переживать второй и даже третий и целый ряд последующих жизненных циклов. Произошло это, в частности, с такими документальными комплексами, которые относятся к массовым репрессиям в СССР при сталинском режиме.

Так, донской историк П.П.Сахаров был в 1927 г. по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ сослан на три года в Среднюю Азию. Такая санкция последовала за службу его в 1919 г. в Добровольческой и Донской армиях и за участие в агитационно-пропагандистской работе в казачьих частях Донской армии и среди населения по линии деникинского Освага. Жизненный цикл документального комплекса, содержащего следственное дело П.П.Сахарова, продолжался до 1929 г., когда историк после сокращения срока его ссылки на треть вернулся в Ростов. Как только завершилась ссылка П.П.Сахарова, этот документальный комплекс перешел на хранение в архив органов госбезопасности. Однако в 1992 г., после падения коммунистического режима, в соответствии с законом СССР от 18 октября 1991 г. о реабилитации жертв политических репрессий, 24 августа 1992 г. последовала реабилитация историка³, к тому времени уже умершего. И, поскольку для реабилитации потребовалось поднять из архива следственное дело П.П.Сахарова, документальный комплекс, составлявший это дело в период подготовки и оформления реабилитации пережил новый жизненный цикл. Затем дело вернулось в архив, где продолжался архивный цикл его существования. Мемориальный цикл существования документального комплекса наступил тогда, когда он был привлечен историком для работы над темой о жизни и деятельности П.П.Сахарова и выходом в свет посвященной ему монографии⁴.

Первый жизненный цикл документального комплекса следственного дела другого ростовского историка, Н.Л. Янчевского, завершился 7 августа 1937 г., когда по приговору закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, состоявшейся в тот же день, он был расстрелян. Завершение связано с тем, что после справки с грифом «секретно» о приведении приговора Янчевскому в исполнение⁵ новых документов в его деле не возникало. Дело было сдано в архив. Новый жиз-

ненный цикл наступил тогда, когда родным историка после их обращения было выдано 4 июня 1947 г. свидетельство о его смерти, где было сказано, что он умер 14 апреля 1945 г. Дата была фальшивой. Но она нашла подтверждение в документах, появившихся в связи со следующим, третьим жизненным циклом дела Н.Л. Янчевского. Он возник в 1955 г. в связи с обращением первой его жены, Е.Н. Янчевской, по поводу его реабилитации. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 3 марта 1956 г. приговор Н.Л.Янчевскому от 7 августа 1937 г. был отменен «за отсутствием в его действиях состава преступления»⁶. Историк был реабилитирован. Однако фальшивая дата смерти сохранялась. Еще 31 декабря 1955 г. Военной коллегией было дано распоряжение «соответствующему отделу ЗАГС» о выдаче второй жене Н.Л.Янчевского, К.Л.Кузнецовой, свидетельства о смерти с той же фальшивой датой⁷. Даже после смерти Сталина органы госбезопасности не решались открыто признать перед родственниками историка факт его расстрела. Поэтому реабилитация 1956 г., таким образом, не раскрывала всей правды в деле Н.Л.Янчевского. Это дало основание его дочери, И.Н.Янчевской, обратиться в 1993 г. с ходатайством о выдаче нового свидетельства о смерти отца с правильным указанием даты. Распоряжение о выдаче нового свидетельства было выдано 1 февраля 1993 г.⁸ В нем содержалась краткая справка по всему делу. Следовательно, все документы по его делу вновь поднимались и рассматривались. Таким образом, для документов по репрессивному делу Н.Л.Янчевского 1937 г. это был четвертый жизненный цикл, для документов, связанных с выдачей свидетельства о смерти с фальшивой датой, это был третий цикл, а для документов реабилитационного дела 1955–1956 гг. – второй.

Обращает на себя внимание самая тесная связь жизненных циклов документов и документальных комплексов с исторической ситуацией своего времени – политической, общественной, культурной. Проявляется это в том, что в рамках общественно-политической ситуации определяются причины и поводы составления документа и документального комплекса. Что касается воздействия культурно-исторической ситуации, то связано оно с выражением в документах господствовавших в тот или иной период системы ценностей. Выражается же оно в языке документа. При всей стандартности лексики и оборотов речи, при консервативности и устойчивости формуляров, характерных для документов, в самом содержании документов, относившихся к разным жизненным циклам, заметны лексические особенности. Так, в документальном комплексе по делу Н.Л.Янчевского, относящемуся к первому жизненному циклу, в качестве ключевых слов и выражений заметны такие, как «террористическая организация правых», «троцкистская организация». В третьем же жизненном цикле этого дела и в первом жизненном цикле реабилитационного дела

Н.Л.Янчевского 1955–1956 гг. терминология имеет политически нейтральную, но юридически заостренную окраску. Это заметно в том, что ключевым терминологическим оборотом в ней является указание на «отсутствие состава преступления» в деле историка. Для жизненного же цикла повторного реабилитационного дела 1993 г. характерно возобновление в терминологии политической заостренности. Однако она носит принципиально иной характер, чем это было в период сталинских репрессий. Ключевым терминологическим оборотом является в ней оборот «пострадавшая от политических репрессий», которой была признана И.Н.Янчевская.

В этой связи терминология документального источника представляет ключом, который позволяет исследователю вскрыть характер и особенности той ситуации, которая его породила к жизни. Следовательно, терминологический анализ документа представляется исключительно важной исследовательской операцией в рамках исторического документоведения.

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.58.

² См.: Сахаров П.П. Белое рабство на Дону. К пятидесятой годовщине освобождения крепостных крестьян // Донская церковная старина. Новочеркасск, 1911. Вып. 3. С. 32; Янчевский Н.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с историей аграрных отношений. Ростов-на-Дону, 1931. С. 38; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 204; Ревин И. А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. М., 2005. С.10.

³ Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Дело № П-51968 (П.П.Сахарова). Л. 66.

⁴ См.: Мининков Н.А. П.П.Сахаров – историк донского казачества // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2002. С. 216–320.

⁵ Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Дело П-94125 (Н.Л.Янчевского). Л. 122.

⁶ Там же. Материалы дополнительного расследования по делу Н.Л.Янчевского. Л. 128.

⁷ Там же. Л. 174.

⁸ Там же. Л. 178.

А. В. Пшенко, Н. В. Ключко

ОТ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ – К ДОКУМЕНТАЦИОННОМУ МЕНЕДЖМЕНТУ И КОНСАЛТИНГУ

Впервые за время существования специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» федеральный государственный образовательный стандарт обсуждается столь широко. В первую оче-